

Фонетико-морфологические данные
ревизских сказок первой половины XVIII в.

В первой половине XVIII в. были проведены две подушные переписи населения России. Они учитывали население, подлежащее подушному обложению. В результате переписи, или ревизии, были составлены ревизские сказки, в которых перечислялись все взрослые, подлежащие учету, их дети, внуки и другие родственники.

Ревизские сказки являются важным историко-лингвистическим источником. В них содержится богатый лексический материал и интересные данные по исторической морфологии, словообразованию, фонетике.

В данной статье рассматриваем материалы, хранящиеся в ЦГАДА, ф. 350, приуроченные к южно- и северновеликорусским территориям. Это ревизские сказки Вологодского уезда (№ 602—619); сказки помещичьих крестьян, посадских, ремесленных, мастеровых людей Тверского уезда (№ 4437, 4440, 4441); сказки жителей Костромы (№ 1591, 1599) и Ярославля (№ 4957); сказки Белгородского (№ 91), Воронежского (№ 651а—660), Курского (№ 1722—1726), Короченского (№ 1546), Обоянского (№ 2525), Орловского (№ 2624—2632) и Старооскольского (№ 4301) уездов. Самые ранние написаны в 1719 г., наиболее поздние — в 1748 г. Книги в основном большого объема. Так, в книге Вологодского уезда, где собраны сказки помещичьих крестьян, — 637 л., в белгородской — 569 л., в курской — 1009 л., в воронежской — 1110 л.

По характеру заключенных в них сведений рассматриваемые источники делятся на три группы: первичные, дополнительные и смотровые.

В первичных сказках за 1719 г. поименно перечисляются лица, подлежащие переписи. Называются имя, фамилия, указывается возраст, перечисляются дети, внуки, родственники и свойственники, дается характеристика людей. Пример сказки подобного типа: *крестьянскои ста | роста Лукьян Казминъ сказал по светеи | непорочнои евангелскои заповѣди гдни | еже еи еи вправду помещика моего ннѣ | в доме нетъ поѣхалъ в Рылскои уѣздъ для | сыску бѣглыхъ своихъ крестьянъ каторые | имеютъ пашню на него помещика | моего и на себѣ мужеска полу в Курскомъ | уѣзде в Падгородномъ стану в дрвни Бѣломъ | Колодези во дворе я Лукьянъ семидесятъ | летъ у мене дети Антонъ тритцети | семи летъ Иванъ дватцети шти летъ у мене племянникъ Леонъ Устиновъ снѣ шти | десяти семи летъ у него братъ роднои пѣ | тидесятъ шти летъ у Леона дети Обросимъ | тринаццати летъ Фолимонъ девяти летъ | у Леона братья двоюродныя Павелъ Исаевъ | снѣ сарака шти летъ Дементей дват | цети пяти летъ Ананья девяти летъ | у Павла снѣ Феодоръ полу | году да у него ж | помещика моего деловые люди каторые | пашни своеи не имеютъ а пашуть на | него помещика моего Ефремъ Бочаровъ шти | десяти семи летъ у него зятъ Карпъ Тарасовъ*

снѣ | Зюзинѣ тридцати пяти лет у него братъ Кирила десяти лет (№ 1723, л. 70—70 об.).

В дополнительных сказках за 1720—1723 гг. даются сведения о пропущенных по какой-либо причине людях: В прежде поданной скаске | какова подона въ $\Psi\Theta I$ м году в ѡбюне мце | в которой написаны в помянутом селце во дво|ре гдря нашего дѣловые люди и крѣтяня по имяномѣ все бѣз утайки а ннѣ в пополнения к прежней скаске объявляемѣ | в помянутом селце прикащикомъ . . . Гаврила Дмитрѣевъ НЕ лѣтъ | да крѣтянѣ каторыя пришли . . . из Деминской влсти для прокормления за недородомѣ хлѣбнымѣ в прошлом $\Psi\Theta I$ году в сентябре мце (№ 2630, л. 16), в помянутом селце Хмелицах дѣловых | работных людей которые работают на означенного своего помѣщика и берут ис того мсчюи хлѣб да | крѣтян с лѣтами писал самую истинную не утая | ни единою мужеска полу души а имянно | за означеннымѣ помѣщикомъ в помянутом селцѣ деловых работных людей которые | бѣрут мсчюи хлѣб четыре члвка да в | том же селцѣ пашенных крѣтян семь члвкѣ (№ 6207, л. 33).

В смотровых сказках сверялось количество указанных ранее душ мужского пола с явившимися «налицо» и объяснялась причина отсутствия того или иного человека: « Ψ А Ψ КГ году октября въ де (день не указан) при осмотре и свидетел|ствѣ гдина генерала маэора и гвардии маэора | Михаила Яковлевича Волкова с присутствующи | гвардии обор офицеры и штапъ по скаске города | Твери посадцкого члвка Алексѣя Григорева сна | Болшова Кочурова | онѣ Алексѣи Григоревъ снѣ Кочуров НФ лѣт у него снѣ Никита КД лѣт у него ж Алѣксѣя внучата сна ево Ивановы дети | Семен Ф лѣт | Максим Е лѣт | итого Д члвка | И по его императорского величества указу гдинѣ | генералѣ маэор и гвардии маэор Михаила Яковле|вич Волковѣ с присутствующи гвардии ж обор афи|церы и штапъ приказали у оногo Кочурова | взять скаску с подкреплениемѣ старинною ли онѣ | тверитин посадцкою члвкѣ и дед ево или оцѣ | и написан ли он в переписной книгѣ РПС ε году или из дру|гова какова чину а ежели из других чиновѣ | каким образом определен в посад и в котором году | по какому указу также на сколько имѣет торгу» (№ 4440, л. 433).

Все сказки датированы и локализованы. Содержание сказок в какой-то степени определяет их грамматическое наполнение. Так как не все части речи представлены в сказ-

ках с одинаковой полнотой, то сведения по морфологии несколько ограничены. В соответствии с регистрационным назначением первичных сказок в них находим преимущественно существительные и числительные, в дополнительных и смотровых сказках, кроме того, прилагательные, местоимения и глаголы. Поскольку в сказках в разных падежных формах представлен определенный круг наименований, они содержат значительный материал для изучения именного склонения.

Изучение форм склонения позволило выделить территории, где имеются синкретические формы род., дат., предл. п. от существительных жен. р. с основой на *-а*, и где такие формы отсутствуют. Эти формы особенно распространены в южновеликорусских говорах¹. В сказках южновеликорусских уездов эта особенность проявилась слабо. В род. п. последовательно выступает окончание *-ы (-и)*. Случаи под ударением: у Козмы (№ 1723, л. 59, № 2870, л. 327 об.), для пастбы (№ 2870, л. 293), у вдовы (№ 1723, л. 67), жены Мавры (№ 2627, л. 212 об.), избы (№ 2630, л. 67), слободы, да Москвы (там же, л. 114 об.), ни единыя души (там же, л. 26), по приказу вдовы (№ 5291, л. 39), у жены (№ 5515, л. 100), без руки (№ 2627, л. 79 об.), земли (там же, л. 133), но: у Козме (№ 1724, л. 125), у Мине (№ 660, л. 445), ср. в речи южновеликоруса: сели возле избе, спросил у своей жане, проходил мимо избе, из избе (Бунин И. А. Захар Воробьев). В дат. п. под ударением: к Москвѣ (№ 2627, л. 133), жене (там же, л. 217), мне Кузмѣ (там же, л. 267 об.), по кабале (№ 2630, л. 71 об.), в безударном положении: Гавриле, Маркѣ (№ 2627, л. 37 об.), ко утайке (там же, л. 104 об.), Маврѣ (там же, л. 212), к скаске (№ 2630, л. 16), но: мнѣ Казмы (№ 1722, л. 1067 об.), мне Козмы (там же, л. 34), мнѣ Ильи (№ 1722, л. 604 об.), ему Кирилы (№ 653а, л. 577), мне Гаврилы (№ 1723, л. 705), мне Микиты (№ 1724, л. 38), по поступки (№ 1723, л. 664). В местном п. под ударением: в тюрьме (№ 2627, л. 274 об.), в слободе (№ 2630, л. 114 об.), на спине (№ 1722, л. 165); но: на

¹ См.: *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927, с. 88; *Котков С. И.* К изучению орловских говоров. — Учен. зап. Орловского пед. ин-та, 1952, вып. 2, с. 75; *Он же.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. Фонетика и морфология. М., 1963, с. 177—179; *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 364.

моеи земли (№ 91, л. 12), на монастырской земли (№ 4301, л. 171), на нашей земли (там же, л. 430), в ноги (там же, л. 488), в левой руки (№ 1722, л. 631). «В предложном падеже ед. старая форма мягкой разновидности держалась довольно устойчиво»². В настоящее время в курско-орловской группе говоров у существительных жещ. р. на -а с твердой и мягкой основой формы дат. и предл. образуются на -ы (-и): к жены, к земли³.

Прослеживаются остатки старой системы разных типов именного склонения. Такова в северновеликорусских сказках форма род. п. сущ. *день*: после Петрова дни (№ 4437, л. 117), после Николина дни (там же, л. 118), после вешнего Николаева дни (№ 4439, л. 175 об.), севодни (№ 6246, л. 260 об.), ср.: того дне (там же, л. 260 об.). На юге: после Петрова дня (№ 91, л. 53).

Большим количеством примеров представлены общерусские формы род. ед. на -у. Большинство подобных образований имеет ударение на основе. Примеры из северновеликорусских сказок: мужеска полу (№ 4437, л. 7), Суземского стану (там же, л. 514), до осмотру (там же, л. 646), промыслу не имею (№ 4440, л. 882), за оскудением торгу (там же, л. 886), до указу (№ 602, л. 443), пришел из миру (№ 602, л. 42), полского полону (там же, л. 142). Примеры из южновеликорусских сказок: для приѣзду (№ 653а, л. 107), от лому (там же, л. 138), из наиму (там же, л. 192), для сторожи и корму (там же, л. 221), ис посаду для провожания провианту (там же, л. 411), для промыслу, для постоя (там же, л. 511), у розыску (№ 1723, л. 111), работник городу (№ 1726, л. 33), мужеска полу, Подгородного стану (№ 1724, л. 9), реитарского чину (№ 1722, л. 946), до указу (там же, л. 369), из наиму (там же, л. 178), окладу на мнѣ рубль (№ 2627, л. 21), от ознобу (там же, л. 104 об.), с голоду (там же, л. 104 об.), для севу (№ 2632, л. 169), окладу не плотил (там же, л. 2), с заводу (там же, л. 20); с ударением на окончании: для скоту (№ 91, л. 12), из полку (№ 1726, л. 214), не перетерпя правежу (№ 1723, л. 665); числительное: сороку (лет) (№ 653а, л. 116). Не находим примеров употребления окончания -у в именах одушевленных. С. И. Котков объясняет это тем, что «за формой родитель-

² Котков С. И. Южновеликорусское наречие. . . , с. 181.

³ Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970, с. 135.

ного на -у уже основательно закрепилось значение партитивное, естественно не свойственное существительным, обозначающим одушевленные предметы»⁴. Приведем единственный пример, который может быть и опиской составителя сказки: *живет у брата Петру Шишкина* (№ 653а, л. 491).

Окончание -у представлено и в местном падеже. В основном с подобным окончанием выступают слова со значением места. На севере: в стану (№ 4437, л. 7), в Торжку (№ 4440, л. 118), в селе Красном Холму (там же, л. 616). На юге: на рѣчке Куру (№ 1723, л. 90), на Тиму (№ 1722, л. 281), в полку (№ 1726, л. 23), на стругу (№ 2632, л. 2), в деревне Рогу (там же, л. 82), в Павловску (№ 659, л. 420), на мне Дмитрею (№ 2627, л. 21). В языке XVIII в. формы на -у имели широкое распространение и считались литературными⁵. По говорам они имеют различное распространение. В современных говорах предл. ед. на -у более употребителен, чем в литературном языке, и связан главным образом с выражением пространственного значения. В произведениях художественной литературы эти формы обыкновенно служат приметой народно-разговорной речи. Ср.: «Шли пять странниц и несли они, ребята, по пяти костылей. На каждом костылю по пяти суков, на каждом суку по пяти кошелей, у каждом кошеле — по пяти пирогов, у каждом пирогу . . . к примеру сказать, по пяти воробьев» (Бунин И. А., Вести с родины).

Отметим предл. ед. от сущ. *нос* и *рот* в южновеликорусских сказках: в роте раны (№ 656, л. 1344), в роте и носе скорбь (№ 659, л. 101), в роте раны *от* болезни (№ 4301, л. 695). В литературном языке того времени: во лбу, во рту⁶.

В сказках представлены формы им. мн. на -ја существительных муж. р.: братья (№ 91, л. 96, 122; № 4301, л. 75), зятья (№ 602, л. 188), шурья (№ 1722, л. 441; № 2627, л. 251), дядья (№ 4440, л. 354). При этом отмечается только форма *братья* при отсутствии формы *братьи*. В сказках представлена и старая форма *братия* со значением собирательности. На юге: своею братьею пасацкими людьми (№ 659, л. 372), своею братьею партными (№ 660,

⁴ Котков С. И. Южновеликорусское наречие. . . , с. 171.

⁵ Ломоносов М. В. Российская грамматика. — Полн. собр. соч., т. 7. М.—Л., 1952, с. 460.

⁶ Ломоносов М. В. Материалы к Российской грамматике. — Там же, с. 633.

л. 760), своею братьею с чеботарями (там же, л. 801), работаит своею (так в ркп.) братьею сапожною работу (там же, л. 813). Подобного рода формы отмечены и на севере: отпуска ему Борису и многимъ братье отставнымъ же солдатомъ не дано (№ 618, л. 45 об.), з другими своею (так в ркп.) братьею пушкари (там же, л. 378).

Ревизские сказки свидетельствуют об употреблении в сочетании с числительными *два, три, четыре* форм им. мн. существительных муж. р.: три племянники (№ 602, л. 61), два рубли (№ 656, л. 321), три годы (№ 659, л. 578 об.), четыре рубли (№ 1546, л. 10), педдесять три годы (№ 2525, л. 14), тритцать два годы (там же, л. 18 об.), по два рубли (№ 2998, л. 1), три двары (№ 4437, л. 3), но: два двора, два брата (№ 2998, л. 10 об., 14). Нормой литературного языка считалось окончание *-а*⁷. Наблюдается вместе с тем колебание и в употреблении им.-род. мн. прилагательных в этих сочетаниях: два двора крестьянские (№ 602, л. 43) — два двора крестьянских (там же, л. 441), два брата родные (№ 4437, л. 523) — два брата родных (№ 609, л. 38 об.). Такое колебание имеет место в современном русском языке⁸.

Обратимся к формам род. мн. существительных мужского рода. В северновеликорусских сказках обнаруживаем: вмѣсто вышеписанных швалевъ (шваль 'швец') (№ 5003, л. 22), от сродичевъ (№ 4440, л. 990 об.), рублевъ (там же, л. 907), от товарищавъ (там же, л. 958 об.), у детенышевъ (№ 5005, л. 105). С. П. Обнорский отмечает, что подобные формы характерны для северновеликорусской области⁹. Анализируя московские таможенные книги, Н. С. Коткова пишет, что формы *лещев, угрев* обнаруживаются в записях в связи с привозом товаров с севера¹⁰. Отметим на севере случай употребления флексии *-ей* после основы, оканчивающейся на *-ц*: отцеи (№ 618, л. 290), который согласуется с утверждением С. П. Обнорского: «диалектически . . . именно там, где отвердение *-ц* последовало соответственно в позднейшую эпоху, или там, где до настоящего времени *ц* произносится

⁷ Там же, с. 653.

⁸ Грамматика русского языка, т. 1. Фонетика и морфология. М., 1960, с. 370.

⁹ Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., 1931, с. 232.

¹⁰ Коткова Н. С. Некоторые сведения о таможенных книгах XVII в. — В кн.: Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 45.

мягко, подобно именам мягкого различия флексией род. мн. служит *-ей* . . . На великорусской почве явление произошло в пределах Архангельско-Олонецко-Вологодско-Вятской группы северновеликорусского паречья»¹¹.

Многочисленны примеры старого окончания существительных муж. р. в тв. п. мн. ч.: вместо старосты с товарищы (№ 651а, л. 11), с хлебными запасы (№ 653а, л. 427), с племянники (№ 656, л. 250), пишее старцы с товарищы (там же, л. 672), в рят с сапожники (№ 660, л. 813), крестьянии со сродственники (№ 1722, л. 97), в присмотру за крестьяны (№ 1723, л. 307), со крестьяны с их крестьянскими животы (№ 2627, л. 182 об.), с племянники (там же, л. 276 об.), за денежною казною и за колодники (№ 2630, л. 114 об.), прикажиж с товарищы (№ 602, л. 108). Наряду со старыми значительно реже встречаем новые окончания *-ами*, *-ями*: (с) чеботарями (№ 660, л. 801), ездить по дрвнямъ з горшками (№ 2632, л. 44). В большинстве случаев новое окончание находим у беспредложных существительных: торгуеть колачами (№ 656, л. 1196), живут своими дворами (там же, л. 1196 об.), владѣють крестьянскими душами (№ 1723, л. 664).

А. А. Шахматов писал, что на распространение новых окончаний оказало влияние наличие окончания *-ми* в словах муж. р. на *-й* и в основах на *-й*, а также в прилагательных и местоимениях¹². В сказках представлены формы тв. мн. на *-ми* в таких словах, в которых они не имеют этих окончаний в современном русском литературном языке. Так, в южновеликорусских сказках: з другими лекарми (№ 660, л. 124), за вышеозначенными скорбми (там же, л. 506), ходят за лошедми (№ 2627, л. 274 об.), пришли с матерми (№ 2631, л. 86). В настоящее время подобные формы от некоторых существительных (грудьми, лошадьми, слезьми) считаются особенностью юго-восточной диалектной зоны¹³. В сказках северновеликорусских уездов это явление тоже получило отражение: с матерми (№ 615, л. 74), очми боленъ (№ 616, л. 173), за болезнми своими (там же, л. 306 об.), ушми не слышитъ (№ 619, л. 17), с жителми (№ 4437, л. 544 об.), вмѣсте с сосѣдми своими (№ 6246, л. 264), с саньми (там же, л. 258).

¹¹ Обнорский С. П. Указ. соч., вып. 2, с. 178.

¹² Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 277.

¹³ Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Указ. соч., с. 107.

В северновеликорусских говорах, в частности в вологодских, окончание существительных в тв. мн. совпадает с окончанием дат. мн. Эта особенность наличествует и в соответствующих сказках: скорбень рукамъ (№ 602, л. 175), сехал за солдатам (там же, л. 171 об.), глазамъ боленъ (№ 616, л. 298), платит своимъ денгамъ (№ 4606, л. 68 об.).

Большим количеством примеров представлена в сказках новая и старая флексия дат. мн. муж. р. В литературе нет единого мнения о времени завершения становления новых окончаний. В сказках северновеликорусских уездов наблюдаем преобладание старых форм над новыми: роспись вкладчикомъ (№ 5504, л. 139 об.), роспись крестьяномъ (там же, л. 14 об.), на приѣздъ помолщикомъ крестьяномъ (№ 4606, л. 23), на приѣздъ монахомъ клюшникомъ (там же, л. 37 об.), велено монахомъ (там же, л. 282), поставлены онымъ работникомъ (там же, л. 282 об.), по торговымъ промысламъ (№ 4440, л. 456 об.), тверскимъ каменщикомъ и кирпичникомъ (там же, л. 292), нишимъ племянникомъ и внучатомъ (там же). Наряду с этим в сказках представлены и окончания *-ам*: дедамъ, отцамъ (№ 4440, л. 292), по другимъ городамъ (там же, л. 312), намъ же розсылщикамъ (№ 4441, л. 450 об.). В сказках южновеликорусских уездов встречаем случаи употребления старого окончания под ударением: по дворомъ (№ 2525, л. 37), очевидно, по аналогии также: крестьяня по имяномъ (№ 2630, л. 16), написано по имяномъ (№ 2631, л. 9). Писецъ, написавшій *по дворомъ*, пишет и *роспись дворамъ* (№ 2525, л. 37). В большинстве случаев под ударением употребляется окончание *-ам*: по разнымъ местамъ (№ 653а, л. 354), к драгунскимъ сапогамъ и солдатскимъ башмакамъ (№ 660, л. 799), роспись дворамъ (№ 2525, л. 37), крестьяня по именамъ (№ 2630, л. 14), ходил по ботракамъ (№ 2632, л. 6).

В местном падеже мн. ч. существительные ср. р. *число*, *место* и *лето* выступают с окончанием *-ех*: в тѣхъ числехъ (№ 653а, л. 96), в местехъ (там же, л. 96), в малыхъ летехъ (№ 659, л. 137), в другихъ местехъ (№ 4437, л. 547), в малыхъ лѣтехъ (№ 4439, л. 79 об.). Так обычно писали в документах того времени, следуя письменной традиции¹⁴. Существительные муж. р. в местном п. выступают с окончанием *-ех* и *-ах*. Наблюдаем колебание

¹⁴ Обнорский С. П. Указ. соч., вып. 2, с. 368.

в употреблении окончаний в пределах одного уезда. В тверских сказках под ударением: в поварах (№ 4441, л. 113 об.), в сторожахъ (там же, л. 147 об.), в бобылях (там же, л. 287 об.), на смотрах (№ 4437, л. 2), на дворах (№ 4440, л. 1020 об.), но: в городѣхъ (там же, л. 117), в тѣх дворѣхъ (там же, л. 443), въ домѣх (№ 4440, л. 1033). Без ударения: на разбоях (№ 4439, л. 182 об.), в каменщиках (№ 4440, л. 219 об.). В текстах Вологодского уезда под ударением: в домѣхъ (№ 5003, л. 5), в тѣх дворахъ (№ 602, л. 443; № 608, л. 30, 34). В безударном положении: в работниках (№ 615, л. 104 об.), в наемниках (№ 615, л. 178), в садовниках (№ 616, л. 153), но: в солдатах (№ 616, л. 204 об.), в драгунех (№ 616, л. 438,) в годѣх (№ 615, л. 354 об.). В южновеликорусских сказках наблюдается более широкое употребление *-ах*. В воронежских документах под ударением: в сторожах (№ 660, л. 34), на кораблях (там же, л. 683), в гребцах (№ 5515, л. 54), в ботраках (№ 5516, л. 47), в постухах (там же, л. 254), в городках (там же, л. 629 об.), в бегах (там же, л. 924), на хуторах (№ 660, л. 323), в кузнецах (там же, л. 323), на кораблях (там же, л. 863), но: в городѣх (№ 659, л. 118). В безударном положении: в дворниках (№ 653а, л. 351, 354), в плотниках (там же), в сидѣлцах (там же, л. 53), в работниках (там же, л. 493), в конюхах (№ 5291, л. 37), в хлопцах (№ 5516, л. 1), в кормщиках (№ 660, л. 863), но: в приставцах (№ 653а, л. 81), на заводах (№ 659, л. 95), на покосах (№ 660, л. 556). В записях Орловского уезда под ударением: в стрельцах (№ 2632, л. 6), в бобылях (там же, л. 8), в бегах (№ 2631, л. 11), но: во дворѣхъ (№ 2630, л. 66), в домѣх (там же, л. 114 об.), в городѣхъ (№ 2632, л. 43). В безударном положении: в кошеварах (№ 2632, л. 6), в разных помещиках (там же, л. 237), но: на караулахъ (№ 2630, л. 114 об.), на посадахъ (№ 2632, л. 2). Данные сказок подтверждают мнение, что в большинстве случаев новое окончание появляется в основах на заднеязычный или шипящий¹⁵.

В сказках, в соответствии с их содержанием, наличествуют определенные лексико-тематические группы слов.

¹⁵ Молчанова Н. Ф. О закономерности распространения в истории русского языка флексии *-ах* в формах местного падежа мн. числа существительных мужского рода. — НДВШ. Филол. науки, 1965, № 3, с. 28.

Назовем прежде всего наименования людей по ремеслу и занятиям, оформленные суффиксами *-ник, -щик, -ец, -арь, -яр*. Отыменные: кирпичник (№ 660, л. 169), ключник (там же, л. 319 об.), сапожник (там же, л. 813), хлебник (там же, л. 320), квасник (там же, л. 324 об.), коровник (там же, л. 325), дворник (там же, л. 325), печник (там же, л. 979), колесник (№ 2998, л. 43), иконник (№ 4301, л. 109), каменщик (№ 660, л. 963), ямщик (№ 4301, л. 30), пчелинец (№ 659, л. 211), золотарь (№ 660, л. 322 об.), чеботарь (№ 1722, л. 1078), бондарь (№ 2998, л. 43), котляр (там же, л. 43), отглагольные: мельник (№ 1723, л. 671 об.), пильщик (№ 653а, л. 316), закройщик (№ 660, л. 751). Представлены единичные образования с суффиксом *-як*: скорняк (№ 653а, л. 315), *-тель*: учитель (№ 660, л. 320), *-ач*: ткач (№ 2997, л. 1 об.), кроме того: возница (№ 660, л. 322). С суффиксом *-ец* образованы существительные, обозначающие жителя города: белгородец (№ 660, л. 7), воронежец (там же, л. 988), землянец (№ 653а, л. 525), верхососенец (там же, л. 505), карповец (№ 91, л. 53), лебедянец (№ 660, л. 13), ливенец, обоянец (№ 1726, л. 181 об.), ольшанец (№ 653а, л. 295), стародубец (№ 4301, л. 756), староосколец (там же, л. 374), ср. образования с иными значениями, оформленные тем же суффиксом *-ец*: родимець онъ города Белева (№ 659, л. 32), родимец *де он* города Тулы (там же, л. 90), родимец *он* города Воронежа (там же, л. 258), родимець *де он* города Володимера (№ 660, л. 34), уродимець (№ 2631, л. 8), *сходец он* из города Троицкого (№ 653а, л. 522). С суффиксами *-анин, -енин*: ельчанин (№ 656, л. 75), калуженин (№ 4440, л. 990), коротояченин (№ 653а, л. 509), курченин (№ 1723, л. 38), орленин (№ 2630, л. 69 об.). Образования с суффиксом *-ич*, обозначающие жителя города, отмечены на севере только во мн. ч. Эти отношения хорошо прослеживаются в тверских сказках: тверитин — тверича (№ 4440, л. 704, 705, 882), москвитин — москвичи (№ 4440, л. 990 об.). В южновеликорусских сказках один раз встретилась форма на *-ич* в ед. ч.: москвич (№ 653а, л. 62) наряду с формами *москвитенин* (№ 659, л. 389), *москвитин* (№ 653а, л. 380). Наименования жителей городов в формах мн. ч. в южновеликорусских сказках не представлены. Обозначениям незрелых существ во мн. ч. свойственны суффиксы *-ат, -ят*: Лорион да Артем по три года близнята (№ 91, л. 366), близнята по году (№ 602, л. 521), у Семена дети

Павел Иван близнята (№ 1722, л. 283), унучата (№ 1723, л. 7 об.), дѣти близнята (№ 1724, л. 187), у меня племянники близнята (№ 1723, л. 41 об.). Кроме того: внучета (№ 91, л. 368; № 2627, л. 87) — возможно, с безударным суффиксом. Слово *близнята* известно многим русским говорам. Употребление его зафиксировано в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» и в «Словаре живого великорусского языка» В. Даля без ограничительных помет. В настоящее время литературное — *близнецы*, а слово *близнята* сохраняется в говорах. Например, В. И. Хитрова отмечает его в воронежских местах: и близняты и тройчаты бывают (Никольское)¹⁶. Ср. в орловских сказках: дети Остах да Давыд двоичатки по осми лѣтъ (№ 2632, л. 194 об.).

При составлении сказок иногда прибегали к уменьшительно-уничижительным образованиям: живеть в своей избенки (№ 653а, л. 516), живеть въ избушки (там же, л. 528), своим дворишком (там же, л. 541), дворишка и пожитков нѣтъ (там же, л. 549), пришел в донские горотки (№ 656, л. 15), живу своим дворишкам (там же, л. 171), живет своею избенкою (там же, л. 753), устроил свои домишко (№ 659, л. 48), дворишка не имѣю (№ 660, л. 463), живу своим дворишкам (там же, л. 982). Обращает на себя внимание образование на *-ши* в воронежских сказках: обморышь скитающеи (№ 656, л. 1471 об.), обморышь Фома (там же, л. 1473 об.), обмороши (№ 660, л. 406), за скудостью и за обморышем (там же, л. 1023). Обморышем именовали бедного неимущего человека. В словарях этого слова нет.

Представлены в сказках существительные, образованные путем словосложения: квасовар (№ 660, л. 323, 324 об.), кошевар (№ 2632, л. 3), шивовар (№ 660, л. 323), салавар (№ 2632, л. 33), часоводъ изучен часы заводить (№ 660, л. 322 об.), работники скотокормы (№ 4606, л. 37 об.).

В склонении личных местоимений южновеликорусские тексты отражают такую яркую особенность, как употребление род.-вин. па *-е(ѣ)*: у мене (№ 91, л. 47), у мене дети (№ 1722, л. 4), а мѣсто (*так в ркп.*) себѣ в солдаты нанел воронежца (там же, л. 772 об.), на себѣ пашни не имеют (там же, л. 908), у мене дети (№ 1724, л. 7), у мене члвкъ

¹⁶ Хитрова В. И. Воронежские ревизские сказки XVIII в. — В кн.: Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 55.

(№ 2632, л. 89), на мене не пашет (там же, л. 89), у мене снъ (№ 4301, л. 477), от мене отошли (там же, л. 731). Ср. на севере: у меня снъ (№ 4441, л. 15 об.), у меня Тимофея (там же, л. 28), у меня нет (там же, л. 74), у меня в доме (№ 618, л. 274) и др.

В ревизских сказках прилагательные муж. р. ед. ч. им. п. выступают с безударным окончанием *-ой*. На севере: братъ двоюродной (№ 602, л. 74 об.), брат сведеной (там же, л. 206), дворовой члвкъ (№ 608, л. 34), двор пашенной (там же, л. 150), богоданной снъ (№ 615, л. 134 об.), работной члвкъ (там же, л. 401), двор крестьянской (№ 616, л. 3), приданной дворовой члвкъ (там же, л. 100), посацкой члвкъ (№ 4440, л. 482), хлебной и протчия товары (там же, л. 907), сакъ рыболовной (№ 6246, л. 258). На юге: платежной двор (№ 2627, л. 25 об.), боярской хлеб (там же, л. 44 об.), бездворной Агѣи (№ 660, л. 3), увѣчной киловотой (там же, л. 13), наемной работникъ (там же, л. 445), собственной члвкъ (№ 1723, л. 48), дворовой члвкъ (там же, л. 90), помянутой Григорееи (№ 2627, л. 21), платежной крестьянской двор (там же, л. 25 об.), месячной хлебъ (там же, л. 86), закладец насилной (там же, л. 144 об.), приказной члвкъ (там же, л. 145), козелской помѣщик (№ 2631, л. 43).

Обратимся к формам прилагательных и местоимений род. ед. муж. р. В значительной части говоров представлено окончание с *-в-*, употребляющееся в устной форме литературного языка. В северновеликорусских сказках: известия никакова (№ 4437, л. 3), другова сна нет (там же, л. 546), вместо выборнова (№ 602, л. 5), на вышешисаннава купленава работника (№ 4437, л. 362), но: у Тверскаго Афонасевского мнстря (№ 4439, л. 13), володимерскаго полку (там же, л. 17), вместо выбылого (№ 4609, л. 15 об.), хозяина моего (там же, л. 43), мелнишного збору (№ 4606, л. 10), приположного хлѣба, ис половинного приположного хлѣба (№ 4606, л. 12), окладного платежа (там же, л. 282). Южновеликорусские сказки свидетельствуют, что и на юге были употребительны формы на *-ово*, *-ево*: у нево (№ 91, л. 70), сна моево (№ 4301, л. 25), у помещика моево (там же, л. 605), вместо приказнова и выборнова (№ 2630, л. 36 об.), вместо выбрунова (так в ркп.) (там же, л. 14 об.), козачьева чину (№ 91, л. 148), до срочнова числа (№ 4301, л. 764), ср.: из боярскаго закрома (№ 2627, л. 133), дѣлового члвка (там же, л. 274 об.), гулящего члвка (№ 653а, л. 307), мѣдного

лится (там же, л. 310), парусного дела (там же, л. 312), торгового промыслу (№ 659, л. 90), городского чину (№ 1722, л. 4). Таким образом, подтверждается мнение, что окончание род. ед. муж. р. неличных местоимений и прилагательных с *-а* можно выводить из говоров не только северновеликорусского, но и южновеликорусского наречия¹⁷.

В первичных сказках употребляется много числительных, так как подушная перепись требовала точных сведений о податном населении. В указе 1719 г. говорилось о необходимости переписать людей «по именамъ не обходя отъ старого до самаго послѣдняго младенца съ лѣтами ихъ»¹⁸. Материалы сказок показывают, что в это время завершается процесс становления числительных как особой части речи. В основном функционирует современное склонение: мнѣ Дмитрею пятьдесятъ три года (№ 4301, л. 731), снѣ сорока лѣтъ (там же, л. 754), от роду ему пятнатцать лѣтъ (№ 656, л. 15), Григорей тринатцати лѣтъ (там же, л. 533 об.), Ефим пятнатцети Калина осми Марка четыратцети Федор осми Семен пяти Иван шти Петръ пятнатцети Андреи десяти (№ 4437, л. 517 об.). Косвенные падежи числительного *два* образуются от основы *дву*: дватцети двухъ (№ 1722, л. 66), двухъ лѣтъ (там же, л. 66 об.), з двумя сыновьями (№ 4437, л. 455), ср. однако: дву лѣтъ (№ 91, л. 1), сорока дву (№ 1723, л. 34), дватцети дву (там же, л. 41), сорока дву (№ 1724, л. 3), Карп дву лет (№ 4437, л. 4). Склонение числительных от одиннадцати до девятнадцати обрело уже современный вид, хотя в северновеликорусских сказках наблюдаются случаи склонения первѣй части: пятинатцати лет (№ 4437, л. 33), осминатцети, штинатцети (там же, л. 109), трехнатцати, штинатцати (там же, л. 110 об.). Первая часть числительного *двенатцать* изменялась по двойственному числу: двунатцати лет (№ 5260, л. 10 об.). В числительных *дватцать*, *тридцать*, *девяносто* наряду с новыми формами представлены и старые: тридесятого числа (№ 4437, л. 444 об.), тридесяти (там же, л. 456 об.). В числительных от пятидесяти до восьмидесяти при склонении в большинстве случаев изменялась только первая часть: братъ семидесят лѣт (№ 1723, л. 7 об.), Михаила

¹⁷ Котков С. И. Южновеликорусское наречие. . . , с. 188.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи, т. 5. СПб., 1830, № 3245, с. 618.

Евсюков *пятидесять* лѣтъ (там же, л. 48), задворнои члвкъ *семидесят* лѣтъ (№ 4437, л. 517 об.), Антон Тимофеев *восмидесят* Лукьянъ *семидесят* (там же, л. 544 об.), *осмидесят* осми, *семидесят* пяти, *пятидесять* одного (№ 602, л. 74), ср.: *пятидесяти* (№ 1723, л. 14 об.), *штидесяти* (там же). В кругу обозначений дробных чисел сохраняются старые формы: *полутретья* году (№ 91, л. 70), *полутрѣтя* году (там же, л. 323), *получетверта* (№ 659, л. 26), *полутретья* (№ 1724, л. 42), *полутретья* году (№ 2525, л. 3), *получетверта* (№ 4437, л. 52, 53), года с *полтретья* (там же, л. 536). Отметим попутно повторение предлогов перед разрядами: *з дватцать* с три года (№ 659, л. 26), *з дватцать* с пять лѣт (там же, л. 487), *з дватцать* с семь лѣтъ (там же, л. 587), *з дватцать* с пять лѣт (№ 4437, л. 533).

Глагольные формы в ревизских сказках мало чем отличаются от современных. В северновеликорусских сказках инфинитив на *-ть*: *взять* на себя (№ 602, л. 441 об.), *учинить* (там же, л. 44), *записать* (№ 4437, л. 516 об.), *сказать* не знаю (№ 4440, л. 462), *жить* не похочет (там же, л. 261), *высылать* (там же, л. 769); только в тверских ревизских сказках встречается форма на безударный *-и*: *писати* не умеет (№ 4437, л. 555), *жити* (№ 4440, л. 1033). В южновеликорусских текстах в этих глаголах и в других случаях в безударном положении представлено *-ть*: *писать* не *умѣет* (№ 651а, л. 23), *желаю жить* (№ 656, л. 1063), *сказать* не *упомнит* (№ 651а, л. 12), *учинить* (там же, л. 30), *отдать* (№ 656, л. 15), *учили* *продавать* (там же, л. 1063), *стоять* (№ 659, л. 589), *нанимался* *бить* (№ 660, л. 3), *переночевать* (там же, л. 13), *изучен* *заводить* (там же, л. 322 об.), *взять* на себя (№ 1723, л. 37), *заплотить* (№ 1726, л. 288), *ходить* не *может* (№ 653а, л. 625), *сказать* не *упомнит* (№ 651а, л. 12), *нанелся* *сидѣть* (№ 5516, л. 757), *взять* (там же, л. 19), *принять*, *прошу* *отдать*, *умереть* (там же, л. 19 об.), *работать* не *может* (№ 656, л. 1344). В южновеликорусских материалах отмечены также формы на подударное *-ти*: *прити* не *х* кому (№ 659, л. 581), *пасти* скотину (№ 5515, л. 38). В настоящее время в значительной части южновеликорусских говоров употребительны формы инфинитива без конечного подударного *-и*: *принести*, *привезть* и т. п.: ср. *посить* 'пасти' скотину (№ 5515, л. 35). С одной стороны, эта форма стоит в одном ряду с употребительными в значительной части южновеликорусских говоров формами ин-

финитива без конечного ударного *-и*, с другой стороны, в этом случае суффикс *-и*, возможно, указывает на принадлежность инфинитива к глаголам со значением неопределенной длительности, как, например, *гонити*, *садити* и др.¹⁹

Отмечаем широкое употребление в сказках северновеликорусского и южновеликорусского происхождения основ с суффиксами *-ива-*, *-ыва-*, *-еа-*, выражающими повторяемость действия в прошлом. Такие глаголы в прошлом были характерны для русского языка и широко употреблялись в памятниках²⁰. На севере: *сказывал* (№ 4437, л. 524 об.), *не бывало* (№ 5504, л. 10 об.), *живал* (№ 4439, л. 182, 273), *сказывал* (там же, л. 287 об.; № 6246, л. 260 об.). Особо следует отметить образования *не продаывал*, *не отдаывал* (№ 6246, л. 260 об.). На юге: *стаявал на правежи*, *плачивал* (№ 659, л. 572), *живал* (там же, л. 101), *не плачивал* (№ 653а, л. 436), *кармливался* (там же, л. 437), *бывал* (там же, л. 488), *пахивал на помещика* (там же, л. 457), *живал* (№ 660, л. 625), *нанимывался* (там же, л. 725), *шивали мундирную работу* (там же, л. 782), *служивал* (там же, л. 868), *хаживал* (там же, л. 878), *прихаживал* (там же, л. 955). В настоящее время эти формы бытуют лишь в некоторых северновеликорусских говорах, употребляются чаще в прошедшем времени и означают не только длительное, но и давно бывшее²¹.

В ревизских сказках представлена развитая система времен: настоящего, прошедшего и будущего. Характер сказок обусловил наличие в них глаголов наст. вр. только 1-го и 3-го л. ед. и мн. ч. Тексты с юга свидетельствуют о формах 3-го л. ед. и мн. ч. на *-т'*. Приведем примеры из записей, где четко дифференцируется написание *ъ* и *ь*: *прибъгаеть* (№ 660, л. 431), *будуть* (№ 1722, л. 20), *пашить* (там же, л. 56), *пашни не имеет а пашить на меня* (там же, л. 81), *будуть* (№ 1723, л. 69), *пашни не имеют а пашуть* (там же, л. 88), *пашить* (там же, л. 231), *выходють* (там же, л. 261), *сидить* (№ 1546, л. 9), *выходить* (№ 2998, л. 1). Отметим случаи употребления южновели-

¹⁹ Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952, с. 57—59.

²⁰ Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, с. 52.

²¹ Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, с. 264.

корусских форм без *-т*, хотя в некоторых случаях они могли появиться на письме в результате графической описки — недописывания выносного *-т*. В текстах встретились лишь следующие примеры: сидить на мельнице и хлѣба измери (№ 1546, л. 9), деловые люди пашни не имею а пашу на меня (№ 1723, л. 58), заробляе у людеи (№ 2870, л. 331). В памятниках деловой письменности отражения форм без *-т* редки²², поэтому наличие даже немногочисленных примеров в сказках представляет интерес. Эти формы широко использовал в своих произведениях И. А. Бунин как средство речевой характеристики героев — южновеликорусов: она не жалае не хоча; понурая голова и с рублем пропадае; бывалыча, как станем гужом, в двадцать цепов, да как вдарим враз — заслушаешься, до чего ладно выговаривая (Бунин И. А. Божье дерево).

В южновеликорусских текстах встречаем личные формы глагола *платить* с подударным *о*: *плотят* (№ 91, л. 120; № 656, л. 321; № 2627, л. 135 об.), *плотит* (№ 659, л. 379 об.), *плотять* (№ 1726, л. 288), *плотим* (№ 2630, л. 114 об.). Подобное явление отмечали в южновеликорусских говорах Е. Ф. Будде, С. И. Котков, С. П. Обнорский, А. И. Чижик-Полейко и др.²³ Оно охватывает южновеликорусское наречие и значительную часть северо-западной зоны²⁴.

Среди форм прош. вр. канцелярская традиция еще сохраняла пережиточную форму аориста *умре*, что обнаруживается и в ревизских сказках: онъ умре (№ 656, л. 881), жил с полгода и умре (№ 659, л. 111), умре (№ 1726, л. 345 об.), Гаврила умре (№ 2627, л. 37 об.), до оных книг умре (№ 4440, л. 292), дедъ мои умре (там же, л. 705 об.), там и умре (там же, л. 990 об.). Ср. однако: отецъ мои и мать померли (№ 656, л. 1063), отецъ и мать ево померли (№ 653а, л. 378), мужъ умеръ (№ 659, л. 569), померли и убыли (№ 2632, л. 142 об.), до оных

²² Котков С. И. Южновеликорусское наречие... с. 211—212.

²³ Будде Е. Ф. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. Варшава, 1892, с. 29; Котков С. И. Из истории изучения орловских говоров. — Учен. зап. Орловского пед. ин-та, 1951, т. 5, вып. 2, с. 106—108; Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола, с. 98; Чижик-Полейко А. И. Говор с. Николаевки Грибановского района Воронежской обл. — В кн.: Материалы по изучению южновеликорусских говоров и памятников письменности. Воронеж, 1964.

²⁴ Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Указ. соч., с. 54.

книгъ умерли (№ 4440, л. 461), *отцъ* и *мать* померли (там же, л. 902). Отметим единичное употребление формы давнопрошедшего времени в курской сказке: а что было надлежало заплотить и те днги курския посадския люди расположили по себе (№ 1726, л. 288). В наше время следы давнопрошедшего в основном отмечаются в пределах северновеликорусского наречия (Архангельской, Вологодской областей) и западной части средневеликорусских говоров²⁵.

В значении будущего времени употребляются формы настоящего от глаголов совершенного вида: не упомнит (№ 651а, л. 12), не сможет (№ 656, л. 1219), явятся (№ 2525, л. 1), не смогут (№ 2627, л. 100), похать не смогут (там же, л. 103), донесет (№ 602, л. 441 об.), явица, сыщетца (там же, л. 443), где он жить похочет (№ 4440, л. 261). Особую форму предбудущего времени находим в сказках в условном предложении. Вспомогательный глагол терял согласование и превращался в частицу *будет*, *буде*: *будет* я сказал ложно (№ 1726, л. 2), а *буде* я в сеи скаски сказал ложно (№ 4301, л. 20), а *буде* я сказал ложно (№ 91, л. 13), а *буде* я кого утаил (№ 1724, л. 1), *буде он* дьякон хотя единою душу утоил (№ 651а, л. 23).

Действительные причастия наст. вр. употребляются в сказках в связи с имущественной характеристикой налогоплательщиков. Кроме того, находим их в традиционной формуле: никого кроющихся нетъ (№ 2525, л. 2), никого кроющихся не утоено (там же, л. 4), дворовыя люди пашни не имеющия, пашню имѣющия (№ 2632, л. 111), мелникъ пашни не имеющии (там же, л. 137), скитающия крестьяне (№ 5291, л. 181), обморыш скитающеися (№ 2641, л. 15), кирпищикомъ умеющим и неумеющим (там же, л. 292). Ограниченность их употребления обусловлена тем, что «живой русской стихии . . . чуждо использование причастий в прямом значении этой глагольной категории»²⁶. В современном языке действительные причастия наст. вр. известны только в полной форме. Ср. в сказках: у него *ж* зять скитающъ (№ 653а, л. 427). В следующем случае наблюдаем процесс субстантивации: не имуще которые дворовъ своих не имѣють (№ 5291 л. 150).

²⁵ Образование северновеликорусского наречия и средневеликорусских говоров. По материалам лингвистической географии. М., 1970, с. 280.

²⁶ *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола, с. 194.

Действительные причастия прош. вр.: пришедших душъ нетъ (№ 4437, л. 7 об.), записавшимися тверскими беломесцы (№ 4440, л. 336 об.), из бегов явшися (*так в ркп.*) крстьяня (№ 5504, л. 67 об.); самаявльшеися беглоу рекрут (№ 4439, л. 50).

Краткие страдательные причастия наст. вр. употребляются в группах сочетаний, характеризующих состояние людей: удержим подучею болезнью (№ 91, л. 79), умомъ рушимъ одержимъ скорбию (№ 659, л. 488); в сочетании с инфинитивом: сказать не сведом (№ 4440, л. 292); со вспомогательным глаголом *быть*: ведомы были, ведомы будут (№ 4440, л. 292).

Краткие страдательные причастия от глаголов сов. вида: поселены (№ 91, л. 10), отпущень (там же, л. 14), нанят (там же, л. 32), отрублены (там же, л. 140), выломлена (№ 653а, л. 104), переведен (№ 660, л. 34), возвращены (там же, л. 156), прописан (№ 5291, л. 15), нанеты (там же, л. 23). Отмечаем от глагола сов. вида *подкинуть* причастия иного образования, чем в литературном языке: подкинен (№ 6216, л. 72).

От глаголов несов. вида: посылан (№ 653а, л. 411), писанъ (№ 4301, л. 764), допрашиван (№ 4437, л. 444 об.), скаски писаны и подаваны (там же, л. 547 об.), умом рушен (№ 5512, л. 36). В большинстве случаев краткие страдательные причастия сохраняют согласование с существительными в роде и числе: руки сожжены (№ 91, л. 552), он призринъ (*так в ркп.*) (№ 659, л. 246), сысканы крстьяне (№ 1546, л. 5), рука вышибина (№ 1722, л. 299), два палца отрублены (№ 1724, л. 22), наняты работники (№ 4301, л. 554). Иногда согласование нарушается: *правою рукою пересечено* вм. *правая рука пересечена* (№ 1723, л. 986), *правою рукою из локтя вывернута* вм. *правая рука из локтя вывернута* (№ 1722, л. 1016 об.). Подобные случаи, отмеченные в памятниках с XIV в. и получившие заметное распространение в белорусской письменности, оказывались возможными на великорусской территории. Примеры, приведенные выше, взяты из южновеликорусских сказок. В научной литературе эти формы толкуются по-разному. Возможно, здесь мы имеем дело со страдательно-безличным оборотом²⁷.

По данным ревизских сказок деепричастия употреблялись в своей основной функции предикативного члена

²⁷ Филипп Ф. П. Указ. соч., с. 501.

при сказуемом. Наиболее широко представлены деепричастия на *-а(-я)* от глаголов несов. вида: *ходя кормился* (№ 4439, л. 61; № 656, л. 75), *бегая жил в Можайском уезде* (там же, л. 79), *жили кормясь работою* (там же, л. 115), *не доходя Олонца бѣжал* (там же, л. 280 об.), *не подавал не ездя* (№ 4609, л. 103 об.), *не писал опасаясь* (там же, л. 791), *отдали проча в сны (так в ркп.)* (№ 660, л. 2), *живет нанимаясь в работу* (№ 2632, л. 73), *кормился заравлевыя хлебъ* (№ 2870, л. 267), *кормитца нанимаясь у людей* (№ 653а, л. 381). От глаголов сов. вида: *бежал покиня жену* (№ 4439, л. 175), *не подавал не справясь* (№ 4609, л. 103 об.), *обявя свои побегъ поехал домои* (№ 6246, л. 260 об.), *написал не уотя* (№ 91, л. 1), *не перетерпя правезу заплатил* (№ 1723, л. 665), *женяс плотил тегло* (№ 2632, л. 8), *сменясь пришел* (№ 5510, л. 55).

В сказках представлены также деепричастные формы на *-в*. На севере: *бежав пришел, бежав жил* (№ 4439, л. 61), *выжев урочные годы вышли* (там же, л. 127 об.), *переночевав взял с собою* (там же, л. 287), *пожив пошел возвратно* (№ 6246, л. 256 об.), *избыв скотину, забрав пожитки бѣжал* (там же, л. 258 об.). На юге: *ими владееть насилством отняв подячеи* (№ 656, л. 349 об.), *переночевав разболѣлся* (№ 660, л. 13 об.), *собрався вывезли* (№ 2627, л. 182 об.), *отживъ до срочнова числа отшел* (№ 4301, л. 764), *отжив быть свободну* (№ 5291, л. 122). Формы на *-учи(-ючи)* отмечаются на юге и на севере: *бегаючи на разбоях не бывал* (№ 4437, л. 199), *бегаючи жил* (там же, л. 79), *едучи был* (там же, л. 524), *живучи женился* (№ 4439, л. 79), *кормитца нанимаючись подемно* (№ 653а, л. 604), *идучи жыл* (№ 656, л. 178), *живучи в Орлѣ кормитца черною работою* (№ 2632, л. 2), *живучи плачу* (там же, л. 7), *ведаючи не объявили* (№ 5291, л. 2). Исследователи отмечают широкое употребление форм на *-учи(-ючи)* в русском литературном языке XVIII в.²⁸

Деепричастия с корнем *-шед-* в основном еще употреблялись без суффикса: *пришед женился* (№ 653а, л. 310), *спшед жил* (№ 656, л. 1063), *пришед волочился* (№ 659, л. 27), *пришед вышла замуж* (№ 4437, л. 547), ср. однако: *спшедчи умре* (№ 5510, л. 9), *пришетчи женил* (№ 4439, л. 197 об.), *пришедши жил* (№ 6246, л. 256 об.).

²⁸ Булаговский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-е изд. Киев, 1958, с. 239.

Ревизские сказки содержат значительный материал и для фонетического исследования. В южновеликорусских текстах многочисленны случаи отражений аканья в предупредительном положении перед слогом с ударным *и* (*и*): чатыре (№ 91, л. 274), радные (№ 1722, л. 570), чатырнадцать (№ 1723, л. 735 об.), адин (№ 1726, л. 78 об.), асми (№ 2525, л. 14), прагрызла (№ 3627, л. 564 об.), в праписке (№ 2632, л. 137), по асминнику (там же, л. 144), вдавы (№ 2870, л. 246 об.), Барис (там же, л. 756); перед слогом с ударенным *е* (*ѣ*): в сасѣдстве (№ 1724, л. 125), вапче (№ 2627, л. 29), иназемецъ (№ 2630, л. 66), в Арле (№ 2632, л. 20), во дваре (№ 2632, л. 84); перед слогом с ударенным *а*: нагами (№ 1722, л. 549), касалап (№ 1723, л. 11), сарака (там же, л. 82), закрама (№ 2627, л. 133), Кожамякин (там же, л. 248), таварищи (№ 2630, л. 27), двара (№ 4301, л. 130); перед слогом с ударенным *о*: непарочной (№ 1722, л. 55 об.), каторые (там же, л. 81), гарадавого чину (там же, л. 281), аднадворецъ (там же, л. 946), криваногъ (№ 1723, л. 7 об.), нагою (там же, л. 11), каторыя (там же, л. 54), варона (там же, л. 83), дваровые (№ 2630, л. 144), даносить (№ 2632, л. 83 об.); перед слогом с ударенным *у*: кармлюс (№ 1722, л. 149 об.), таму (№ 2632, л. 72).

Укажем случаи аканья в заударных положениях: увечан (№ 1722, л. 11), пасынак (там же, л. 33), сорак (там же, л. 370), пасанки (там же, л. 889), стараста (№ 1723, л. 9), с ведама (№ 2627, л. 25).

Случаи яканья перед слогом с ударенным *и* (*ы*): определяны (№ 1722, л. 34), ни ядиныя (№ 4301, л. 703), но: пети (там же, л. 587), Ребинин (№ 1723, л. 91); перед слогом с ударенным *е* (*ѣ*): Ялецкого (№ 2632, л. 20), но: нидель (№ 1723, л. 41); перед слогом с ударенным *а* после мягкого согласного: плямянники (№ 1723, л. 164), ядят (№ 2627, л. 20 об.), пятьдесят (№ 4301, л. 20), от мявя (там же, л. 69), шесдесят (там же, л. 104), плотяжа (там же, л. 127), но: педдесят (№ 1722, л. 772 об.), петнадцати (№ 1723, л. 37), деветнатцати (там же, л. 37). В заударных положениях: древян 'древний' (№ 1722, л. 124), малаумян (№ 2627, л. 86), в домя (№ 4301, л. 212).

Встречаются и косвенные указания на аканье: скозал (№ 1722, л. 5), укузали (№ 1726, л. 2), глозами (там же, л. 100), Колуги (№ 2632, л. 3), подовал (там же, л. 3), никокова (там же, л. 3), тритцоти (там же, л. 83 об.), владеет (там же, л. 110 об.), работаеть (там же, л. 143 об.).

Северновеликорусские сказки, естественно, отражают различие гласных неверхнего подъема после твердых согласных.

Материалы северных уездов свидетельствуют о переходе *ѣ* в *и* под ударением между мягкими согласными: *гритцати недил* (№ 5003, л. 41), *пятнатцати недил* (там же, л. 44); в деревне Медвидеве (№ 615, л. 93 об.), *Звирѣвъ* (№ 5005, л. 98 об.). Вологодские говоры до сих пор сохраняют под ударением особое качество этого звука.

В южновеликорусских памятниках представлена такая фонетическая особенность, как *у* вм. *е* перед согласными: два унука (№ 91, л. 316), у сказехъ изображено (№ 651а, л. 8), унучата (№ 1723, л. 7 об.), у розыску (там же, л. 111), с унучеты (там же, л. 664), у переписки (там же, л. 664 об.), у правои ноги грись (там же, л. 705), у ногах ломъ (там же, л. 711), у ногахъ грызь (там же, л. 1005), у чекал кости нетъ (№ 1724, л. 28), унучита (№ 2627, л. 182). Напротив, в определенных положениях *у* уступает место *е* (*во*): в него брат (№ 91, л. 316), во вдовы (№ 656, л. 5), в помѣщика (№ 1546, л. 9), в меня *ж* брат (№ 1722, л. 1095), живут в нас (№ 1723, л. 732), в теци своей (№ 2632, л. 22), в разных помѣщиках (там же, л. 137). Смещение *у* и *е* отражается в написаниях: ув Ывана (№ 1722, л. 316; № 1723, л. 35), ув Антона (там же, л. 794), ув Устина (там же, л. 814), ув Архипа (№ 1723, л. 34), ув Ыльи (№ 1726, л. 78 об.). Таких примеров в южновеликорусских сказках очень много. Отмечаются также пропуски *е* в интервокальном положении: зоут (№ 656, л. 445), жиут (№ 4301, л. 770; № 4301, л. 770; № 5516, л. 121).

Признаком этого наречия являются также *х* и *хе* вм. *ѣ*. Буквы *хе* вм. *ѣ* появляются перед буквами гласных: Никихвор (№ 659, л. 363), Фехвель, в доме Фехвела, у него Хвехвила, я Фехвил (№ 660, л. 620); *х* — не только перед гласными: Трахим (№ 660, л. 609), Ехим (№ 2627, л. 182), а также и перед согласными: Хрол, Хрола (№ 656, л. 612; № 2627, л. 182 об.). Имеются и обратные замены (*ѣ* вм. *х*): *ѣ*вора была (№ 660, л. 584), Пофом (№ 2870, л. 50); *ѣ* вм. *хе*: Самофалов (№ 1723, л. 1003), зафорал (№ 5516, л. 911).

На наличие фрикативного *γ* указывает *х* вм. *г*: хулящие люди (№ 659, л. 191), стерех (№ 660, л. 924) и написание *г* вм. *х*: дряглъ, дрягл же (№ 2627, л. 44), глугъ (№ 659, л. 75).

И в северно- и в южновеликорусских сказках находим

остаточные следы мягкого произношения шипящих: вижу (№ 656, л. 881 об.), шюринъ (№ 2627, л. 144 об.), служю (№ 4441, л. 309 об.), пашют (№ 5260, л. 62), душу (там же, л. 64 об.), Жюков (там же, л. 138 об.).

Обзор фонетико-морфологических данных ревизских сказок показал, что они являются достаточно надежным материалом для изучения состояния русского языка начала XVIII столетия.

Ревизские сказки — памятники делового содержания. Тесное взаимодействие областной и центральной деловой письменности наложили отпечаток на материалы сказок. В них представлены и общенародные и местные черты русского языка XVIII в. За пределы литературных норм в целом не выходит система склонения и спряжения.

Датированность и локализованность сказок повышает их ценность.